

Эльчин
Сафарли

БЕСТСЕЛЛЕР ДУШЕВНОГО ПИСАТЕЛЯ ВОСТОКА

Я ХОЧУ ДОМОЙ

ТЕБЯ ЖДЕТ МЕСТО, КУДА СТОИТ НАКОНЕЦ ДОЙТИ

Эльчин Сафарли

Я хочу домой

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11294150

Я хочу домой : [роман] / Эльчин Сафарли.: АСТ; Москва; 2015

ISBN 978-5-17-092540-7

Аннотация

Знаешь, кого ты мне напоминаешь? На древней улице Стамбула есть необычная лестница по имени Камондо, построенная в форме двух восьмерок. Ее волшебство в том, что на ней можно упасть, но скатиться до конца – нет. А еще, как бы ни плутал в ступенях лестницы, Камондо выведет к ровной светлой улице.

Тебе не раз будет казаться, что ты запутался. Что если упадешь, то окажешься в темной яме. Не бойся продолжай идти

Содержание

Он

6

Конец ознакомительного фрагмента.

63

Эльчин Сафарли

Я хочу домой

Дочери Дениз

*...Когда меня спрашивают, что бы я забрал из
горящего дома, я отвечаю – огонь.*

Жан Кокто

Дизайн обложки Джамиль Асланов (<https://instagram.com/aslanow>)

Модель на фото: Настя Гуз (<https://instagram.com/nastyagoos>)

Автор фото: Юлия Акименко

*Фото автора на четвертой сторонке: Сергей Сараханов
(<http://www.sarakhanov.com>)*

*Разве не счастье – обладать смыслом в окружении
торжествующей бессмысленности?!*

*Казаться, будто ты здесь, а быть там. Или жить
там, а казаться, будто...*

Ну, ты меня понимаешь.

Но я-то тут при чем? В чем моя вина?

Ну скажи, в чем я провинилась?

Ведь, в отличие от тебя, я не могу взлететь или,

*точнее, погрузиться туда, куда погружаешься ты.
Понимаешь?..*

Я просто этого не умею. И боюсь.

Афгаз Масуд

*– Я хочу найти новые пути. Если не найду, ты мне
поможешь.*

*– ...Знакомые мне пути уже устарели, их знают и
другие. Ты лучший сам потрудись да найди совершенно
новые, никому не известные.*

– ...Буду думать и непременно найду.

*– Думай, дружок. Это твой долг – думать и
открывать новые пути.*

Джафар Джаббарлы

Он

Ты нигде не побываешь по-настоящему, пока не вернешься домой.

Терри Пратчетт

...Изо дня в день он берет в руку перо и пишет ей. Бартльбум не знает ни ее имени, ни адреса, но он твердо уверен, что должен рассказать ей о своей жизни.

Ибо кому же, как не ей?

Он верит, что, когда они встретятся, он с трепетной радостью водрузит на ее лоно шкатулку красного дерева, доверху наполненную письмами, и скажет:

— Я ждал тебя.

Алессандро Барикко

1

Я вырос в домике с зеленой крышей на Абшероне. Полуостров на западном берегу Каспия, укрытый желтым одеялом соленых песков. Тут море спокойно и смиренно, как дервиш, а виноградные лозы витиеваты, как арабские буквы. Мы приезжали сюда на электричке. Июньская жара, станция Инжирная, бабушка с двумя соломенными сумками. В од-

ной – наши с братом вещи, в другой – овечий сыр, соленый творог шор и банка катыка.

До дачи триста восемьдесят два шага через типично абшеронскую пустыню с зелеными колючками. Специально с братом замеряли. Мы спешим, иначе молочное скиснет. Бабушка Сона, крепкая женщина с короткой стрижкой и кожей цвета пересушенной кураги, нас опережает: «Финики, до счастья осталось триста два шага. Не спите!» Счастьем для нас был и есть дом. Дом, где всегда хорошо.

Сона отпирала тяжелую деревянную дверь дачи со словом «бисмиллях» и заходила первой, нашептывая молитву. Словами из священной книги очищала дом от джиннов. «Их надо добрым словом проводить восвояси, приготовить халву с дошабом в память о покойных, раздать ее нуждающимся». Дошаб, сладкий сироп, Сона варила из сока черной шелковицы с добавлением корицы.

Следом входили мы с братом, вдыхая запах прошлогоднего лета. Вон наш надувной дельфин в прихожей, чуть схуднул от тоски, надо бы снова надуть и оживить в холодной воде утреннего Каспия.

Зимнюю сырость в углах уже высушило летнее солнце. Осталось прогреть подушки, одеяла, матрасы. «Финики, а ну-ка за работу: подушки на солнечную сторону веранды.

Иначе ночью будем спать в холодном море». Мы бежали за подушками, я выбирал синие. Они действительно были пропитаны зимним дыханием моря. Соленым, с липкой прохладой.

Наутро Сона перебирала сорванный в саду чабрец, аккуратно раскладывала ветки на столе, застеленном пергаментом. Сушила на зиму и лечила им, когда внуки простужались. Я внюхивался в фиолетовые соцветия, помогал срезать корни и разговаривал с бабушкой обо всем, из чего соткана жизнь.

«Финик, все мы свободны, и в этом наша уникальность. Ты будешь жить с тем, во что веришь. Если принимаешь жизнь как борьбу, готовься к постоянной борьбе. Если думаешь, что за все в жизни надо платить, будешь платить, причем двойной ценой. Каждый обладает свободой воли – мы сами определяем свою правду и отношение к ней».

Брат, пухлощекий сорванец, быстро уставал от «скучных» разговоров, убегал во двор. А меня беседы с Соной наполняли настолько, что, бывало, ночами не мог заснуть – море эмоций захлестывало скалы сознания.

С годами нашел способ усмирять волнение – стал его записывать.

* * *

В конце дачного дома была комнатка без окон. Мы ее называли Морской. Стены в сине-голубых волнах, а светло-коричневые полы под ногами походили на дно Каспия.

Долгое время комната служила маринадной: бабушка ставила туда банки с оливковым вареньем, баклажанной икрой, маринованной мушмулой и помидорами.

Со временем о комнате позабыли, и она превратилась в хранилище домашнего хлама.

Однажды летом мы с братом подхватили краснуху. На время болезни нам запретили купаться в море, что мы тяжело переживали. Хныкали, капризничали, порывались убежать из дома в сторону берега. Но бабушка не отходила от шkodливых внуков ни на шаг.

Дедушка, некогда увлекающийся живописью, долго думал, как облегчить нашу тоску по морю, и решил преобразить маринадную. Быстро почистил, освежил полы, покрасил потолок голубой краской, нарисовал белоснежные облака, а на стенах – волны. Комната подсохла, была тщательно прибрана бабушкой и стала нашим морем на время краснухи.

Сона стелила нам коврики, мы часами валялись в Морской комнате, представляя, что нет никакой болезни и мы на

берегу Каспия. Это было счастьем.

* * *

После завтрака мы с бабушкой шли провожать дедушку на работу. Повод прогуляться. Судостроительный завод находился на семнадцатой отметке берега, пятнадцать минут вдоль моря. На коричневом песке покоились старые перевернутые лодки, разукрашивая береговую линию. Вот зеленая, с дырявым дном и надписью «Мурад». Так звали сына хриплоголового рыбака по кличке Музыкант, он заманивал в сети кефаль с помощью печальной песни нея – флейты из камыша.

На Востоке говорят, что ее звук наполнен любовью Создателя. Поэт Физули писал: «Всегда стенаю я, тростник... То страстью, то жалобой мой полон крик... Рыдать не перестану я... Будь даже срезан я для нея».

У Музыканта родился долгожданный и единственный сын. «Я научу Мурада играть на нее, и он тоже будет возвращаться с уловом». На шестом году жизни у малыша обнаружили лейкоз, спустя год он ушел из жизни.

Музыкант продолжал выходить в море, но больше ни одной рыбы не принес домой, не сдал на рынок. Весь улов отдавал бедным семьям.

* * *

Я помню время своей жизни, когда почти все ушли, а те, кто остались, меня не слышали. Со стороны эта картина, может, и выглядела отчаянно и одиноко, но я не испытывал ни отчаяния, ни одиночества.

Со мной были город и земля, подарившая мне хлеб, воду, море и понимание. Земля еще и учила. Смирению, например.

Я отчетливо ощущал, как липовые деревья вдоль Желтой улицы, кривые каменные лестницы на спуске к улице Бюль-бюля, отрезок набережной недалеко от платановой рощи и медовые глаза кучерявой музыки уличного музыканта наполняют меня спокойствием.

Все, что плыло навстречу, умирало мою раскачивающуюся на волнах лодку и превращало ее в корабль.

Земля, по которой дни напролет я двигался, казалось бы, в неизвестность, была мне другом. Каждый новый рассвет наполнял ее сиянием Вселенной, которым потом освещались души ищущих, ожидающих и благодарных. Это закон жизни: получают те, кто ждет, а другие просто проходят мимо и тоже... продолжают путь.

В период знакомства с собой я часто обращался к воспоминаниям детства. Особенно ночами, когда вокруг четыре

стены, одно окно и не слышно моря. Путешествовал в дни, когда мы с братом, уставшие после моря, спешили домой, где нас ждали бабушка с сырными лепешками и прохладным компотом из фейхоа и блаженная Морская комната.

Источники силы не только вокруг, но и внутри нас. Пора перестать надеяться исключительно на разум и обратиться за помощью к душе.

Руми писал: «В тишине есть красноречие. Останови плетение смыслов – и увидишь, как улучшается понимание». Бывает, мы теряем родные звуки. Голос любимого человека, песню дорогого сердцу города или шум бескрайнего моря. Они либо утихают, либо мы перестаем их слышать. Наступает тишина, которая сначала пугает, но потом исцеляет, открывая в нас новое.

Слух становится чутким. Мы лучше слышим себя, а значит, лучше понимаем, что нам нужно.

* * *

У бабушки Соны было любимое изречение: «Все пути ведут в утро, финики». Тогда, в абшеронском детстве, ее слова казались шуткой. Сейчас осознаю их глубину.

Сона прошла нелегкую жизнь, не раз падала, но вставала и продолжала путь. Не любила об этом говорить. Много узнал уже после ее смерти от родственников, с улыбкой на-

зывающих ее Соной-скалой.

Я тоже люблю утро. За новую надежду и шанс, за свежесть воздуха и сияние солнца после дождливой ночи. В каждом «завтра» – новое утро.

Завтра утром мы станем еще лучше, научимся не поддаваться всеобщему хаосу. Будем беречь свои миры, чаще обнимать близких, помогать тем, кто нуждается в помощи, больше путешествовать. На самом деле все просто.

Завтра утром мы поймем, что ни одно событие в жизни не случайно. Мы об этом знаем, но часто забываем, когда сталкиваемся со сложностями. Страдать, ощущать себя жертвой, жаловаться на «тяжелую долю» легче, чем подняться, поблагодарить Вселенную и двинуться вперед, дальше.

А еще завтра утром мы придем к морю, и его в нас станет еще больше.

* * *

Часто бываю на нашей даче у станции Инжирной. Пусть всего лишь мысленно. Нет уже ни того дома, ни той станции, ни тех дорог. Бабушка с дедушкой умерли. Теперь у нас с братом другие дома, но воспоминания – это то, чего ни у кого не отнимешь. Мы часто путешествуем их путями, и для этого не нужно ни виз, ни билетов, ни перелетов, ни денег.

Время от времени, долгие годы, а порой и всю жизнь нас не покидает ощущение, что нам чего-то не хватает. Понижающего мужчины, чуткой женщины, здорового ребенка, теплого дома, реализованного призвания, привлекательной внешности, стабильного дохода.

Даже получив желаемое, спустя время мы снова испытываем неудовлетворенность. Если раньше переживали из-за отсутствия хорошей работы, то, устроившись в престижную компанию, жалуемся на невнимание любимого человека.

Кто-то скажет, что такова человеческая природа – жить в полутонах. На самом деле это то, с чем мириться нельзя. Чувство неудовлетворенности нужно преодолевать словом «спасибо». Как писал Толстой: «У меня нет всего, что я люблю. Но я люблю все, что у меня есть».

Я любил утро на даче. Проснувшись, сразу бежал в сад. Там каждый день что-то менялось: в цвете, форме, звучании. Вот плоды инжирного дерева слегка пожелтели, еще недельки две, и их можно срывать – варить джем с корицей.

Вот будка Пялянга уже в синем цвете: два дня дедушка Асад ее строил, утеплял, шлифовал, а сегодня проснулся

ранним утром и покрасил. Домик нашей собаке готов!

Сливовая пастила, развешенная на веревке веранды, наконец-то подсохла. Я не выдержал, слопал одну. Остальное пора сворачивать ковриками и складывать в сшитый бабушкой полотняный мешок. До зимы!

Когда я, сонный и неумытый, выбегал в сад, бабушка подходила ко мне и, приобняв, возвращала в комнату, где незаправленная постель, разбросанная одежда, игрушки, яблочные огрызки.

«Финик, пока не наведешь порядка на своей территории, глупо искать радости за ее пределами. Они все равно тебе наскучат, и ты вернешься в свой бедлам. Начинай с себя».

Сона голоса не повышала. Говорила тихо, но твердо. После чего выходила из комнаты, закрыв за собой дверь. Пару минут я капризничал, а потом принимался за уборку.

Чувство неудовлетворенности начинается тогда, когда мы ищем счастье снаружи, а не внутри себя. Забросив свой дом, мы отправляемся во внешний мир, где нет ничего вечного и все каждую секунду меняется.

* * *

Ночью я боялся выходить из своей комнаты. Дом погружался в тишину, крики перелетных птиц обретали зловещий

отзвук, а в урчании труб слышались стоны невидимого чудовища. Если вдруг посреди ночи мне хотелось в туалет или попить воды на кухне, я, не смыкая глаз, терпел до рассвета. Будить взрослых не позволяла мальчишеская гордость, а свет, оставленный включенным в прихожей, страха не уменьшал.

Однажды, лет в восемь, я не выдержал и в полудреме намочил постель. Наутро влажный матрас обнаружила Сона и, никому ничего не сказав, заменила. Когда мы остались наедине, бабушка сказала: «Я могу поставить в комнате ведро, но это не выход. Финик, не бойся открыть дверь. Что бы за ней ни было».

Я захлюпал носом и, не пряча глаз, признался: «Но ведь когда дверь откроется, я уже не смогу забыть того, что за ней увижу». Сона улыбнулась: «Твои страхи ненастоящие. Ты сам их придумал. Перед тем как открыть дверь, создай в голове то, что тебя не пугает. Например, чаек, море и корзину с горячими симитами¹».

На следующую ночь я попробовал. Сразу не получилось. Только с третьей попытки, нарисовав в голове чаек, пошел на ночную кухню и выпил стакан вишневого компота.

В памяти каждого есть картинки-спасатели, мы обраща-

¹ Симит – бублик в кунжутной обсыпке.

емя к ним в сложные периоды. На моей картинке-спасателе не только чайки и симиты, но и пенка варенья из желтой черешни, которое варится во дворе нашей дачи в медном тазу с кривоватыми краями.

Вот Сона передает мне медную ложку-шумовку. «Пока я буду мыть банки, собирай пенку. Смотри не прогляди. Сегодня, Финик, ты отвечаешь за сбор облаков». Пенки напоминали облака, только они были сладкие и горячие. Пробуя их, я обжигал язык, но нисколько об этом не жалел. «Ну и пусть щиплет. Зато я отведал облаков».

Бабушка не переставала мечтать, создавая на кухне свой маленький космос. Она дружила с возрастом, не переживала по поводу морщин и глубоко понимала жизнь, которая была для нее прекрасным путешествием. Смерть ее не пугала. «Не думаю ни о возрасте, ни о смерти. Я все это приняла как данность и начинаю дни тем, что радует».

Жизнь состоит из ежедневных преодолений. И совершаются они не во имя райских ворот, а для улучшения слуха. Своего же. Слышать себя – только так возможно обрести, сохранить равновесие.

«Вот кто-то скажет или сделает злое, и чувствуешь, как теряешь слух. Злость захлестывает голову, в ушах закипает,

так и подбивает ответить тем же. По молодости я отвечала, а потом болела. С годами научилась ценить, беречь слух. Как вижу где-то зло – либо молча помогаю обиженному, либо перехожу на противоположную сторону улицы».

3

Нужно уметь остановиться. Для того, чтобы услышать море. В себе и в мире вокруг себя. Суета никому не приносила покоя: мы так спешим жить, что не успеваем разглядеть саму жизнь.

Человек не всегда должен к чему-то стремиться. Случаются дни, месяцы, годы, когда просто живешь: выполняешь работу, гуляешь по улицам, готовишь еду, встречаешься с друзьями. И хорошо бы в этой повседневности найти баланс – слышать в себе жизнь и открывать новые миры, не похожие на твои прошлые.

Прошное крепче любых якорей держит на месте. Причем чем ярче оно было, тем сильнее будет тянуть назад. Бабушка рассказывала, что немало времени училась жить настоящим.

«Не умела наслаждаться моментом. Он еще не стал прошлым, а я уже смотрела на него из будущего. Только ближе к сорока смогла изменить отношение настоящему».

Осенними вечерами Сона заваривала черный чай с кардамоном. Этому научилась за годы, прожитые в Городе Перевернутых Лодок. Сона привезла оттуда охапку волшебных историй, которые рассказывала нам с братом вместо сказок.

На здании мэрии Города Перевернутых Лодок выбиты два стручка кардамона – символ прощения и процветания.

Как-то спросил бабушку о связи кардамона с прощением. Она рассказала легенду о том, как много лет назад на Город Перевернутых Лодок напала армия чужеземцев. Им нужна была сильная земля, где гармонию, которой так завидовали соседние народы, находили не в борьбе, а в принятии контрастов жизни. Чужеземцы надеялись, получив землю, овладеть и этим умением.

Мужчины города двинулись на защиту. Без оружия. Сначала сердцем, словом, потом своими телами. Женщин и детей спрятали на плантациях кардамона.

Чужеземцы перебили почти всех мужчин, ворвались в город. Они приближались к убежищу, когда началось сильное землетрясение. Дома и улицы за секунды ушли под землю. Нетронутыми остались только плантации кардамона, сохранив жизнь женщинам и детям.

Спустя годы город возродился. Жены чужеземцев, похороненных землетрясением, попросились на жительство в Город Перевернутых Лодок. Их пустили, несмотря на прошлое. С тех пор кардамон был принят в городе за священную пряность, которая, как гласит легенда, смягчает самые глубокие обиды.

Город Перевернутых Лодок научил Сону «глубоко дышать». Когда живешь среди людей, которые с рождения умеют ценить каждый день, каким бы он ни был и что бы в нем ни случилось, в тебе тоже раскрывается это качество. Именно раскрывается. Любовь и благодарность заложены в каждом, но не все желают слезать с гвоздей.

Хотя даже в жизни с высокой степенью осознанности не обходится без дней, когда нужно подзарядить батарейки.

«Бывают дни, когда все блекнет. Будто светлые чувства становятся бесцветными. Не любит, не верится, не хочется. В такие дни я придумывала простую отговорку, чтобы никто не переживал, и со спокойным лицом уходила до вечера. Только бы никого не обидеть и не встревожить. Сидела в автобус, уезжала в соседний город, смотрела на дождь за окном и ни о чем не думала. Или долго шла пешком... Отпускало.

Я не делила с Асадом такие дни. Зачем? Это мои внутренние сбои, и единственный способ восстановления для меня – молчание... Чем больше человек стремится к свету, тем больше преград возникает на этом пути. Как говорят на Востоке, “демоны терзают” – один раз попадешься на удочку, и вроде уже плохой человек. Главное, всегда возвращаться к себе.

Руми говорил: “Этот мир – горы, а наши поступки – крики: эхо от нашего крика в горах всегда возвращается к нам”».

4

У меня есть тетя по имени Амина. Сестра мамы. Обе они выросли в живописной деревне Хиля. Сария, выйдя замуж за отца, переехала в город. Амина до сих пор там. У нее участок земли и маленький домик, где они с мужем Джафаром живут в тишине.

Дети выросли, обзавелись семьями, выбрали мегаполис. А Амина по-прежнему в том месте, где родилась. Гордится этим.

«Съездила в Индию и Иран, мне достаточно. Я построила мир и то, что хотела бы в нем видеть, на этом скалистом участке земли, мне незачем куда-то за чем-то ехать. Воспи-

тала трех сыновей, двух внуков, посадила двадцать восемь хурмовых деревьев, увидела Мекку. Сейчас у меня есть друг, дом и тишина... Люди изводят себя на пути к якобы большим целям, стремятся к тому, чтобы о них узнало как можно больше народу, городов. В борьбе за это они забрасывают свой дом – тот, что в них, а не снаружи. Если хочешь быть полезным на новом месте, научись быть полезным дома».

В первый день зимних каникул мы с мамой всегда ехали в Хиля. В честь нашего приезда Амина доставала из погреба садж², пекла кутабы – лепешки с тыквенно-гранатовой начинкой. К чаю подавала пирог с персиковым джемом. Традиция.

У Амины смуглые крупные руки и покрашенные хной ногти. На среднем пальце правой руки золотое кольцо с гранатом, доставшееся от прабабушки. «На сердце каждой женщины – рубцы от некогда кровоточивших ран. Время и гранат их заживляют. В Хиля гранат называют камнем честности. Страшно прожить жизнь во лжи себе. Какой бы ни была правда, надо ее услышать, принять. Иначе так и будешь бегать от тишины».

* * *

Если до самой Хиля дорога пролегала просторная и удобная, то до дома тети Амины приходилось добираться пеш-

² Садж – вогнутая сковорода без бортов.

ком. Он находился на отшибе, у красного здания трансформаторного завода. В дождливую пору выручали полиэтиленовые пакеты: мы с мамой натягивали их на ботинки и чапали по хлюпающей земляной жиже.

Нам предстояло преодолеть бездорожье и свалку с обломками деревянных стендов. На них был изображен профиль лысого мужчины с бородкой. Как-то я спросил маму: «Кто он? Почему его выбросили?» Сария, перепрыгивая со мной через лужу, ответила: «Это Ленин, он правил страной. Теперь другое время. Не его, сынок». Я тогда не по-детски удивился: как такое необъятное понятие, как время, может кому-то принадлежать?..

Мы переступали порог, и усталость от нелегкой дороги испарялась в атмосфере родного дома. Тепло, уютно, много вкусного. Амина обнимала и кормила нас одновременно, а на сетования сестры по поводу недороги отшучивалась: «Рай без труда не достается... Кому еще кутабов?»

* * *

Меня укладывали спать в маленькой комнате с обоями в цветочек и несуразно большим окном. Белая рама, медные ручки, вид на заднюю часть сада, где кроны хурмовых деревьев в ночи напоминали павлинов. Вот распушенный веером хвост, вот, чуть ниже, изящный хохол, забавно задирающийся под порывами гилавара³.

³ Гилавар – южный ветер.

Засыпать один я тут не боялся: комната примыкала к гостиной, откуда доносились голоса мамы и тети, допоздна болтающих обо всем на свете. О мечтах, детях, воспоминаниях. О любви и ее формах.

– Сария, ты когда-нибудь забывала себя из-за мужчины?

– Было дело.

– А я нет. Всегда все через голову. Одно время печалилась по этому поводу, но с годами перестала, это же страшно – потерять себя из-за мужчины... Я люблю мир через себя: луч не преломляется через кого-то другого.

– Это и есть здоровый эгоизм, Амин.

– Скорее, выбор.

– Наверное... Я не понимаю, когда чувства просты и однозначны. Некоторая сомнительность и драматизм вызывают у меня большее уважение. Так живее.

Меня согревали зимние тетины подушки, пахнущие грецким орехом. Весь последний месяц осени орехи сушились на кухне, перед печью, пропитывая ароматом каждый уголок дома. Дядя Джафар с особым трепетом относился к двум ореховым деревьям в саду, стволы которых в сентябре обмывал светло-желтым кардамоновым маслом, чтобы урожай был слаще, здоровее...

Наутро, проводив маму в город, мы с Аминой сидели на скамейке у дома и неспешно разговаривали. Перед нами шестели хурмовые деревья. Их широкие темно-зеленые листья напоминали лодки, на которых можно уплыть туда, где тебя давно ждут.

«Мы посадили сад на скале. Никто не верил, что вырастет что-то, кроме колючек. Помню, как с Джафаром долбили в скале лунки, засыпали их черноземом, втыкали по саженцу. Двадцать восемь из сорока деревьев принялись. Теперь каждую осень у нас обильный урожай, который раздаю детишкам Хиля... История с садом научила меня усердию. Даже в самом закаменелом эгоизме живет любовь, надо ее в себе взрастить».

* * *

Амина с детства ценила тишину. Ей хорошо в ней. «Папа одно время переживал, водил меня к психологу, потому что я больше молчала и слушала, чем говорила. Я люблю людей, мне интересно за ними наблюдать, быть с ними, но нет ничего прекраснее уединения. Когда шум мира не нарушает во мне тишину, сажаю гортензии, гуляю вдоль реки или готовлю творожный пирог для любимых людей, и мне хорошо».

Если в такой тишине слышен гул внутренней пустоты, это не страшно.

«Без пустоты не бывает наполненности, малыш. Научись

любить и такие дни, когда все останавливается. Когда не можешь быть сильным, решительным, собранным. Я называю такие дни “канска”, что с фарерского – “может быть”. Когда ни на один свой вопрос не можешь ответить определенно – просто молчишь, спишь, ешь или идешь по неприметной улице до тех пор, пока не полегчает. А полегчает обязательно. Самые суровые ливни заканчиваются солнцем».

Амина обладает умением слышать, ощущать время. Не тратить бесценные часы на беспокойство о днях минувших и грядущих. Жить здесь и сейчас, отказавшись от сожалений прошлого и иллюзий будущего. Она открыла в себе силу вневременной полноты бытия.

«Жить в настоящем меня научил пятилетний внук. С Солтаном я вдруг заметила, насколько дети свободны, спонтанны. До какого-то возраста они не выстраивают так называемые причинно-следственные связи, не копаются в том, что случилось. Полностью проживают происходящее. И самое главное – улыбаются».

5

В центре полуразрушенного двора – старая водонапорная башня, неизвестный написал на ней синей краской «Время не лечит». Около башни скамейка. На скамейке сидит отец,

оглядывает то, что осталось от двора детства. В его взгляде не вижу ни грусти, ни тоски – смирение.

Сажусь рядом. Оба в коричневых плащах – мама подарила одинаковые на Новый год. Отцу сорок один, мне одиннадцать. Прижимаюсь к его руке: «Ты скучаешь по детству?» Смотрит на ржавые останки качелей: «Нет, парень. Часто о нем вспоминаю. Наши воспоминания – как дом, в который всегда можно вернуться».

Откуда-то сбоку приходит морозный воздух, заставляющий слезиться глаза. Отец запускает руку в карман плаща, достает сигареты, спички. Но не закуривает.

Еще долго сидим в полумолчании. В нем нет отчужденности. Оно выше слов.

* * *

Отец сорок лет проработал пилотом. Небо многому научило. Прежде всего, беречь свое звучание. «Человек создает вокруг себя шум, надеясь запомниться, покорить или приобрести. Пустая затея – хаос не перекричишь. Но были и будут те, кто звучанием своего сердца раскрывает в нас умение слышать себя. Это талант».

В детстве я говорил больше, чем слушал. Бесконечный поток слов, в котором терял себя. Отец с малых лет учил не молчанию, а ценности каждого сказанного слова.

«Не сотрясай попусту воздух, парень. Порою записывать мысли важнее, чем озвучивать. Так легче взвесить их пользу... В молчании – вечность, в разговоре – быстротечность времени».

Впервые красоту тишины познал летним вечером, когда в округе вдруг отключили электричество. Мне, пятилетнему болтуну, на мгновение стало страшно: вокруг все затихло, потемнело. Стал слышен малейший шорох.

Мама достала из шкафа бледно-желтые парафиновые свечки. Зажгла в комнатах и продолжила нарезать хрустящий хлеб с семенами зиры. Окрошка уже была разлита по пиалам...

После ужина мы с папой лепили фигурки из оплывшего парафина. В наш мир не врываются посторонние звуки: телевизор уснул, холодильник не гудел, музыка за стеной затихла – весь район подчинился силе вселенской тишины.

* * *

Отец говорил мало. Моего брата это не устраивало: он требовал подробных ответов на вопросы или просил почитать вслух книгу с отцовского стола. Это могла быть «История зарождения воздухоплавания» или что-то про авиамеханику – не важно. Главное, слышать голос отца, ощущать причастность к его жизни.

Я понимал молчание папы. В моей голове жило маленькое воплощение отцовской любви, беседующее со мной. И мне этого хватало.

В какой-то момент взросления мне показалось, что папину любовь я придумал. Что нет никакого маленького человечка-папы внутри меня, что нет нашей молчаливой крепкой связи. Что те дни, когда не было в мире никого, кроме нас двоих, – иллюзия. И то утро у водонапорной башни – тоже.

Переживал. Стал плохо есть, забросил уроки, и как-то вечером дома раздался телефонный звонок классной руководительницы с жалобами на мою неуспеваемость. Отец был в очередной поездке, и никто, кроме него, не мог меня излечить.

Терзания закончились в день папиного возвращения. Он крепко обнял меня на пороге и сказал на ухо: «Ты все сможешь. Я люблю тебя, парень». В ту же минуту меня отпустило.

Вернулась вера. В то, что с папой можно поговорить и в себе, если он в другой стране. Что те «наши» дни еще повторятся, пусть и неизвестно когда. «Я дождусь». И дожидался – это было лучшей наградой за веру.

С детства мне важно было верить.

В детском саду я верил в то, что стоит маме завернуть меня в полотенце после купания, как пугающие ночные звуки затихнут и мне не придется спать с одеялом на голове.

В третьем классе я верил в то, что могу управлять погодой. Беседовал с деревьями, договаривался с гилаваром о том, когда должна наступить весна.

На первом курсе института верил в то, что детство в любой момент можно вернуть. Не время, а тогдашнее мироощущение. Оно живет в нас постоянно, нужно лишь очистить его от взрослого хлама.

Этой весной я поверил в то, что, если человек подавлен правилами и ограничениями и стыдится говорить о чувствах, он вряд ли доберется до настоящей любви.

* * *

Выходим со двора, переступая через куски бетона, остатки оконных рам и выброшенные кем-то книги. Отец поднимает уцелевшие тома, те, что не разбухли под дождем и не разлетелись на страницы. Много Чехова. «Берегите в себе человека», – цитирует отец и передает мне книги, велит нести в машину.

Возвращаемся домой с двумя горами на заднем сиденье. В салоне пахнет пожелтевшей бумагой. Чихаю от пыли и гордо оглядываю наш клад: «Из них я много всего узнаю». Отец улыбается: «В тебе уже есть абсолютно все, парень. Книги помогут это раскрыть».

6

Летний сезон Фатма-хала провожала восклицанием: «На Абшероне нет зимы. Вместо нее недоразумение из слякоти, ветра... Пора в город!» Запихивала разноцветные вещи в плетеные сумки, которые, тяжело передвигаясь на толстых ногах— колбасках, закидывала в багажник мужниного «Москвича».

Мы с братом не любили Фатму-халу. На просьбы Соны помочь соседке по даче с вещами убегали к большому тутовому дереву. Сидели под ним и грустили. Лето подходило к концу, впереди зима, значит, приезжать на Абшерон будем реже.

Тутовое дерево росло в ста четырех шагах от дачной калитки и носило гордое имя Маяк. Его было видно с четырех сторон поселка. Когда приезжали гости, они ориентировались по Маяку. «Добираетесь до него, затем левой тропинкой сто четыре шага, и вы на месте», — поясняла родствен-

никам Сона. Три раза в неделю в закатные часы она носила Маяку ведро колодезной воды, поливала корни.

О приближении холодов я узнавал не по прогнозу погоды, а по коре Маяка. Прикасался к ней: повлажнела – значит приближается зимняя разлука. С надеждой на новую встречу.

* * *

В нашей семье осязание ценилось выше слов.

Мама не отмеряла ингредиенты для шекербуры⁴ ни весами, ни мерным стаканом. На десять ладошек муки пять шариков домашнего масла-нехре, которое в глиняной маслобойке сбивала тетушка Лейла.

Бабушка, поливая шербетом горячую пахлаву, определяла количество сиропа на глаз, касаясь мизинцем поверхности теста: если подушечка пальца соскальзывает, к ней ничего не пристает, значит, сиропа достаточно.

Мы с братом обожали поводить руками по голове после летней стрижки. В первый день июня папа жужжащей машинкой коротко остригал наши кудри, называя нас «шиншилками» – ежик на голове блестел, забавно торчали уши. Дедушка Асад любил пересыпать руками теплый раку-

⁴ Шекербура – восточная выпечка из теста, орехов и сахара.

шечный песок, пока поглядывал за нашими морскими играми. Если мы уходили далеко от берега, он издавал мастерский свист. Два коротких подряд означали «время погреться», три – «пора домой».

Бабушка познавала жизнь через прикосновения. «Слова можно подделать, поступки сыграть, а вот посмотришь в глаза или прикоснешься нечаянно к человеку – и понимаешь, твое или нет. Не делать того, что противоречит внутреннему импульсу, какую бы выгоду с этого ни имел, не терпеть общество тех, кто не делает тебя лучше, – не изменяй этому правилу, Финик. Иначе потеряешь себя, а меня не будет рядом, чтобы помочь».

Мне были ценны не только касания, но и то, что я слышал. Не слова, а звуки мира. Тишина утра, гроыхание зимнего моря, ракушек под ногами, бульканье закипающего чайника, сказки маминым голосом, треск гейчайского⁵ граната в руках бабушки, шипение котлеты в масле, хруст новой книги, звяканье папиных ключей во входной двери, мурлыканье кота в объятиях, стрекот цикад жаркими вечерами и гул ветра на Абшероне.

* * *

Фатма-хала заблуждалась. На Абшероне есть зима. Просто не все ее понимают – к счастью. При первой встрече она

⁵ Гейчай – азербайджанский город, знаменитый сладким сортом граната.

отталкивает, задувает песком с набережной, брызгается волнами – оберегает свое право тишины после месяцев летнего хаоса. Словно энергетические запасы абшеронской земли истощились и для восстановления ей нужно время.

Зимой дедушка с бабушкой навещали Абшерон раз в неделю. Нас не брали: «У вас школа, финики! На каникулах поедem». В дни их отъезда барометр моей тоски по даче настолько зашкаливал, что стоило прозвенеть звонку последнего урока, как я срывался и бежал домой. Чтобы быстрее позвонить на дачу и послушать Абшерон – бабушка высовывала трубку из окна веранды. Издали я слышал пение хазри, лай дворовой собаки, скрип калитки, проржавевшей в непогоде. Эти звуки наполняли силами, и я мог дождаться зимних каникул для встречи с Абшероном.

* * *

В первый день зимних каникул приезжаю на натопленную дедушкой дачу и сразу же несусь к морю. Со́на протестует: «Ты же песка наешься, Финик». Натягиваю шапку, обвязываю лицо шарфом и бегу: «Мне достаточно его услышать, бабуль». Со́на выбегает за мной – не оставит внука наедине с бушующим хазри.

Мы с Со́ной прячемся за перевернутой лодкой. Она кутает меня в плед. Над нами парят чайки – замерли в потоке воздуха. Сегодня нам повезло: волны уходят в море, но по

берегу все равно тяжело передвигаться из-за ударов песка.

Сначала Сона бранилась за непослушание, потом крепче прижала к себе, поцеловала в макушку. «Ты прошел еще один урок, малыш. Не отказываться от того, что любишь, кто бы и что тебе ни сказал. Не испугаться сложностей – дождя, урагана, снегопада – и дойти до весны... Никогда не изменяй своим стремлениям».

Возвращаемся домой под вальс утихшего ветра. Тучи разошлись, появилось солнце. Сона встряхивает плед у перевернутой лодки: возвращает песок берегу.

* * *

В честь нашего зимнего приезда на дачу Сона готовила долму из виноградных листьев. В медном казане, доставшемся в наследство от предков. Бабушка его берегла, готовила в нем по особым датам и держала в кладовке обернутым плотной бархатистой тканью.

По мере использования казан чернел. Тогда Сона принималась за чистку: замешивала «уксусное тесто» из муки, столового уксуса и пары щепоток соли, наносила на металлическую поверхность, давала высохнуть, после чего счищала мягкой щеткой.

Летом, специально для долмы, Сона собирала в дачном саду самые нежные виноградные листья. Срезала их хвосты-

ки, сворачивала рулетами. Посыпая крупной солью, плотно складывала в стерилизованные банки и закатывала.

Зимой бабушка открывала банки, и по дому разносился аромат лета. Правда, листья успевали потемнеть. Чтобы смыть соль, Сона обливала их кипятком и вываливала передо мной на поднос: «Финик, а ну-ка послужи старой бабке. Расправляй, собирай их на край подноса, а я буду брать и начинять фаршем». От мокрых листьев подушечки пальцев сморщивались и пахли кислым.

Бабушка вымешивала фарш, добавляя в него круглый рис. Положив в центр листа фарш, Сона складывала лист конвертиком и нанизывала на толстую нитку. «Бусы» из долмы закладывались в казан, на дне которого лежали жирные кусочки мяса.

К долме бабушка подавала соус из йогурта с мятой и чесноком, маринованный кизил и горячий хлеб-тендир, кусочки которого мы обмакивали в зеленый бульон.

Разливая алычовый компот в наши стаканы, Сона улыбалась хазри, завывающему в оконных щелях. «Кто-то сейчас злится на хазри, мол, от него пыль да холод. А я с детства люблю хазри. Он учит ценить тишину и солнечную погоду. Нужно дарить миру доброе, финики. Постоянно искать возможность приносить пользу живому, избавляться от дурных

привычек. Например, грызть ногти, отковыривать болячки, оставлять еду в тарелке и не верить в себя».

7

Бабушку Сону провожали в Америку почти всем поселком. Рейс в пять утра, аэропорт в десяти минутах езды от дачи, ехать из городской квартиры нет смысла. Так мы понимали желание Соны до отъезда побыть на даче. Оказывается, она не только собирала чемоданы гостинцев, но и... прощалась с родной землей.

Соседи рассказывали, что бабушка подолгу сидела под большими инжирными деревьями на ноябрьском холоде, гуляла у моря, набирая в банки воду Каспия, а в пакеты – соленую землю абшеронских пустынь.

На Востоке при переезде в другую страну принято забирать с собой немного той земли, в которую уходят твои корни. В новом доме родную землю почтительно ставят на видное место – чтобы не забывать свое начало.

«Бабуль, ты же на две недели. Зачем брать с собой морскую воду? На таможне все равно не пропустят». Сона, накупившись, продолжала наполнять пластмассовые контейнеры инжирным вареньем. «Мне лететь через океан в страну, где самолеты врезаются в дома. На Абшероне отроду такого не

случалось. Иногда только алкаш Салех колотит свою Пярвану, а наутро читает ей газели Физули. Поэтому оставьте меня в покое. Вдруг помру там, пусть рядом будет частичка Абшерона».

В Нью-Йорке бабушку ждало семейство Багырлы: муж Муса, жена Бясти, их сын Джошгун с женой-афроамериканкой. На женитьбу единственного сына на темнокожей Мэри Бясти отреагировала микроинфарктом, но со временем подруга детства Соны смирилась, правда, переименовав невестку в Марьям. Так и живут. Теперь Мэри-Марьям, согласно восточным традициям, называет свекровь мамой, слушает мугам и сняла пирсинг с правого века, отрастив широкие брови.

Вроде счастливы. Если бы не тот факт, что Мэри-Марьям не может научиться готовить долму. На подмогу вызван знаток абшеронской кухни Сона. «Приезжай, баджы⁶. Отметим твоё семидесятилетие, заодно невестку долме научишь». Бабушка долго не соглашалась. Решительным доводом оказалась манипуляция Бясти: «Я скоро умру. Привези мне кусочек Абшерона, не дай мне уйти без него».

Для Соны Абшерон – тема священная. Наутро мы подавали документы на визу.

⁶ Баджы – сестра (*азерб.*).

Тем временем дочь соседки Гюльназ ежедневно учила Сону английскому. «Ай эм фром Эбшерон пэнинсила», «Май фрэнд Басти из вэйтинг фор ми», «Донт вори, зис из зе уот-эр оф Каспиан си». Бабуля, преодолевая восточный акцент и ругая себя за решение лететь через океан, вызубривала необходимые словосочетания. В итоге она так увлеклась заморским языком, что на мое спасибо за налитый чай ответила «вэлкам». Услышав это, я понял, что Сона, отважная женщина-Скорпион, готова к американским приключениям.

В Америку было собрано три чемодана. Помимо морской воды и абшеронского песка, Сона везла изыски национальной кулинарии: чай с чабрецом, варенье из маштагинского⁷ инжира, маринованные виноградные листья и баклажаны с чесночно-травяной начинкой, пучки свежего тархуна и горной кинзы, садж-лаваш, шорг-гогалы и закваску для катыка.

Мы объясняли Соне, что американские таможенники конфискуют часть продуктов, но она не отказывалась от идеи как следует накормить семью Багырлы «настоящими, солнечными продуктами, а не картонными».

«Послушай, Финик: вера, искусство и вкусная еда могут исправить человека. Сделать его лучше. Ни одна таможня не наступит на горло моей песне». Не знаю, каким образом,

⁷ Маштаги – поселок Абшеронского полуострова.

но Сона действительно довезла все продукты до Нью-Йорка. «Ребята-пограничники оказались такими милыми... Но проверяли меня три часа, зелень чуть завяла».

Если бы не временная разница, бабушка звонила бы домой минимум трижды в день, чтобы спросить, здоровы и сыты ли мы, выпил ли лекарства Асад, подсохли ли каштаны на дачном чердаке и каково настроение Абшерона. Я отправлял ей на мобильный сообщения с подробными отчетами и фотографиями неба над дачей.

«Облака посерели, Финик. Хазри приближается. Закрой ставни веранды, открой окошко на крыше, чтобы голуби могли спрятаться, и положи на камень печи листочки сушеной душицы. Тогда дома будет спокойно».

В телефонном разговоре Сона рассказывает, что преодолела триста пятьдесят четыре ступени винтовой лестницы к короне статуи Свободы, что американские дети по ноябрьскому холоду разгуливают в тонких куртках и туфлях на босу ногу, а если ребенок закутан, как капуста, значит, родители – туристы либо новоприехавшие эмигранты. Что в классе шестилетнего внука Бясти, как и во всех американских школах, учатся дети с синдромом Дауна и ДЦП.

Бабушка тараторит в трубку, фоном слышны смех Бясти

и тьяканье их собаки. «Тут все для людей, зарплаты высокие и законы работают». Вдруг на том конце провода затягивается тишина, и бабушка тоскливым полусшепотом признается: «Сынок, я здесь почти не сплю. Боюсь, закрою глаза – и умру, не приведи Господи. Хочу умереть дома. На Абшероне. Быть похороненной в Хиля, рядом с мамой».

8

Мы с дедом идем по центральной улице утреннего поселка. Мне семь лет. Я держусь за его большую руку. Мимо нас проезжают тележки торговцев зеленью, фруктами, овощами. Дедушка приветствует их: тут все друг друга знают, приезжих почти нет.

Не терпится окунуться в море. Но мы никак до него не доберемся: через каждые три-четыре шага Асад останавливается поздороваться с прохожими. Перекидываются парой фраз и с пожеланиями доброго дня расходятся. Исчезли бы они и не мешали дойти до моря!

«Деда, пошли быстрее. Ты с ними разговариваешь так, как будто они герои».

Асад не отвечает. Сняв обувь, ступаем на песок. Если закончилась асфальтированная дорога, значит, до воды сорок

семь шагов. Замеряли с братом.

На пляже встречаем соседей по даче. В этот раз улыбаюсь им – цель ведь достигнута. Дедушка, взяв меня за руку, ведет к воде. «Парень, герои в толпе не выделяются. Это может быть твой сосед, врач в поликлинике или продавец хлеба в другом городе. О них мало кто знает. Но они пережили войны, смерть близких и не утратили в этих бедах человечность».

* * *

Все дальше отплываем от берега. Мои ноги потеряли дно в зелено-голубой бездне. Обнимаю дедушку за шею. Она пахнет мускатным одеколоном, пока не смытым соленой водой. Мне не страшно. «Не оглядывайся назад и сохраняй спокойствие».

В поиске спокойствия вспоминаю потолок нашей с братом комнаты в городской квартире, на который смотрел, засыпая и просыпаясь. Белое полотно с мелкими трещинами, резная лепка вокруг люстры, похожей на перевернутое блюдо. В потолке не было ничего необычного. Дороги ассоциации: ты дома, родные люди рядом, ты защищен, и вон, бабушка блинов напекла. К ним будут сливки и инжирное варенье.

До Двуличной скалы осталось немного. Жители поселка доплывают сюда на лодках. Дедушка вплавь – до пятидесяти он увлекался глубокими погружениями в мир Каспия. Обыч-

но до ста метров, с задержкой дыхания, без ласт, не касаясь страховочного троса.

Каждое погружение было для Асада знакомством с собой. «В первый раз на глубине тридцати метров мне стало страшно от темноты, холода. Выплыл. Месяц переваривал впечатления. И тосковал – сам не понимал, по чему именно. Когда вновь погрузился, ощущая, как медленно снижается пульс, понял, что не могу без подводного мира».

Природа ценит честность. «Самое важное под водой – не бояться себя. Там ты наедине с тишиной, без людей. Какой настоящий – вот тем и будешь. А это может испугать».

Море научило деда помнить о том, что его ждут. Любимые люди и те, кто еще станет любимым. «В синей бездне нельзя забывать о времени, о том, что нужно всплывать. Потому что там, наверху, тебя ждут. Так и в жизни, пацан, легко раствориться в якобы свободе, эгоизме. Любое богатство теряет ценность, когда им не делишься».

Мы с дедом сидим на нижнем выступе Двуличной скалы и, обняв руками колени, смотрим в сердце моря. Тут не слышно людей, не видно домов Абшерона. Берег – тонкая коричневая полоска.

«Деда, у тебя ведь тоже есть в голове картинки. Что на

них нарисовано?» Он бросает камешек в воду. «Абшерон... Кажется, и у тебя тоже».

9

За окном выюжит пурга. В округе погасло электричество – суровый ветер оборвал провода. Мы с бабушкой на даче вдвоем. Завтра приедут остальные домочадцы, выходные проведем вместе, а в понедельник в школу. Зимние каникулы подошли к концу.

Отсутствие электричества не помеха: на кухне горят четыре керосиновые лампы в медных скобах. На столе юхаяй-ан⁸ и охлов⁹. Будем раскатывать тесто для аришты, восточного супа-лапши на мясном бульоне.

Пока Сона доваривает фасоль «черный глаз» (замочила ее с ночи), я обсыпаю мукой доску и скалку, чтобы к ним не прилипало тесто. Его замешивают из холодной воды, муки, яйца и соли.

В доме натоплена печь. Мы заперли окна, но абшеронский ветер все равно проникает внутрь тревожными звуками. Слышно, как волны Каспия разбиваются о скалы, тор-

⁸ Юхаяй-ан – деревянная круглая доска на невысоких ножках для раскатывания теста.

⁹ Охлов – обоюдоострая скалка.

моша рыбацкие лодки, привязанные на берегу; как наш пес Пялянг, выглядывая из будки, облаивает скрипящую калитку; как старые номера газеты «Республика», собранные под лестницей для растопки печи, разлетаются по двору, пестря пафосными заголовками; как в погребе, распугивая мышей, позвякивают банки с вареньем.

Мне не страшно. Тот, кто любит Абшерон, любит и ветер – не делимые друг от друга части. Я подхожу к запотевшему окну кухни. Рисую пальцем на стекле и сквозь прочерченные линии вижу встревоженный хазри двор и черный нос Пялянга, торчащий из будки.

Бабушка, покрыв голову косынкой и обвязав поясницу шерстяным платком, ловко раскатывает тесто. В конце она свернет его рулетом, нарежет тонкими полосками. Я разложу лапшу на медном подносе, присыпанном мукой, и отнесу сушиться к печи.

Завтра мы используем половину лапши, остальное соберем в мешочки, чтобы в другой холодный день приготовить согревающее зимнее блюдо.

* * *

Для жителей Абшерона тишина – голос Творца. Поэтому местные старцы всегда сопротивлялись тому, чтобы на береговой линии поселков строили рестораны. Проводят заба-

стовки, пишут жалобы.

Утром прихожу к Маилу-киши за свежим тендиром-чорек¹⁰. Он печет хлеб в пекарне, которую когда-то построил его отец из абшеронских камня и глины.

Маил-киши возмущен: на соседнем участке открыли очередное заведение.

«Приезжие относятся к этой земле как к месту летних пиршеств и сезонного заработка. Если бы ими управляла любовь, они приходили бы сюда за настоящим богатством, скрытым в тишине. Вместо этого строят замки с высокими заборами, громко говорят, не умеют слышать».

После выюги в Абшерон вернулась зимняя тишина. Я иду с горячим хлебом, завернутым в газету, встречаю по дороге бабушку. В руках у нее сумка с бутылками керосина – вдруг снова свет потухнет, надо запастись.

Улица Есенина, покрытая тонким слоем снега, и наши осторожные шаги: только бы не поскользнуться. Идем по краю дороги, где лежит песок.

Через пару часов приедут домашние, привезут ореховый рулет и желтый сыр. А мы приготовим аришту и выжмем сок

¹⁰ Тендир-чорек – вид тонкого хлеба, приготовленного в печи-тендире.

из гранатов, которые с осени хранятся на деревянных полках погреба.

Мне не хочется сразу возвращаться на дачу. Прошу Сону спуститься на две улицы ниже – оттуда видно море. Жалостливо напоминаю ей о том, что каникулы почти закончились и я еще не скоро приеду на дачу.

«Так и быть, Финик. Только сначала занесем сумки».

На заборе заброшенной дачи некто написал красной краской: «Счастье – быть кому-то нужным, в ком-то чувствовать нужду». Сона останавливается и, улыбнувшись, произносит незнакомую мне фамилию: «Вагаб-заде».

В старших классах я узнаю, что это знаменитый поэт, что именно ему принадлежат слова, которые часто повторял дедушка Асад: «Люди ищут – где же выход? Говорят: с горы видней, а самой горы не видят, судят издали о ней».

* * *

Абшерон – земля смирения. Тут люди живут не «на лестнице». Это местное выражение, означающее, что человек изводит себя стремлением к материальным благам. Абшеронцы пребывают в спокойствии, наблюдая за контрастным потоком земной жизни, в которой главное – сохранять равновесие и не переставать любить.

Когда-то Абшерон был бесконечной пустыней с инжирными деревьями, редкими родниками и следами верблюжьих караванов. Тут проходили пророки и дервиши, преодолевая сложности, терпя гонения. Но они не видели в этом причин для страданий. «Бугры на дороге жизни. Без них не бывает».

Однажды к дедушке на дачу приехал его друг-геолог из Германии. По утрам Хайко, позавтракав и вскинув на плечи рюкзак, уходил в мир Абшерона. Возвращался к ночи. Его притягивала эта земля – пыльная, соленая, с низкими каменными постройками вдоль полупустых улиц.

На третий день Асад спросил Хайко о впечатлениях. «Тут хочется идти. Даже если не знаешь, куда». Дедушка, разлив чай в стаканы-армуду, пододвигает к нам пиалу с ногоулом¹¹. «Наслаждение заключено в самом поиске, а не в его конечной точке. Так что, друг, не так важно, куда идешь, как – с чем».

В старших классах я спорил с дедушкой на тему смирения. Мне, подгоняемому отважностью юношеского максимализма, в этом чувстве виделась некая форма бездействия.

¹¹ Ногоул – аморфный сахар с пряностями в форме бугристых комков.

«Деда, в твоих книгах о суфизме смирение представляют как единственную возможность для понимания смысла жизни. По-моему, это слабость. Нежелание бороться...» Асад, перебивая, спрашивает: «За что?» – «Как так за что? За справедливость, за счастье». – «Борьба, как и победа, – иллюзия, сынок. Да и зачем бороться за счастье, если оно уже в нас? У человека один и друг, и враг – он сам».

Чем глубже я узнавал Абшерон, тем больше убеждался в правоте Асада. Наблюдая за местным людом, провожая хазри, встречая гилавар, перемалывая фундук для начинки шекербуры и смешивая его с кардамоном, слушая азан под тенью широкоплечего хар-тута¹², обнимая любимую у заброшенного маяка с красной крышей, я учился ценить красоту покоя и стремиться приумножать добро – а это и есть смирение.

* * *

Я был влюблен в печаль Бессмертного переулка. Он находился выше рынка, на окраине поселка, вдали от моря. Жизнь вокруг менялась, строились новые дома, прокладывались дороги, количество фонарных столбов и проезжающих автобусов увеличивалось, но таинственным образом прогресс не касался Бессмертного переулка. Он напоминал мне призракный дом из восточной сказки: все о нем знали,

¹² Хар-тут – сорт шелковицы с плодами крупного размера, более сочными, темно-красного цвета.

но никто не видел.

Я любил его за непохожесть на остальные переулки. Он словно не задавал вопросов жизни, меланхолично понимая, что у всех разные ответы, единых и окончательных – нет.

В Бессмертном жила Наджиба, она пекла самые вкусные шор-гогалы на Абшероне. В дровяной печи.

Сона любила завтракать сладким чаем с разогретым гоголом.

«Гоголы Наджибы такие же, как в моем детстве. Тесто не “булочное”, рассыпается на слои. И в сердцевине много начинки из специй».

За три дня до Праздника Весны мы с Соной приезжали в Бессмертный переулок за заказанной выпечкой. «Если бы не гоголы Наджибы, я бы сюда ни ногой. Тоскливо тут». Многие так отзывались о Бессмертном переулке. Но никто не мог объяснить причину тоски.

Мне тут нравилось. Кирпичные дома с крышами, покрытыми киром¹³. В августовскую жару он остро пахнет. Я называл этот аромат «съедобным» и радовался, когда южный

¹³ Кир – растопленный асфальт.

ветер приносил его оттенки на нашу улицу.

В доме Наджибы пахло анисом, семенами фенхеля, куркумой. У нее пухлые смуглые руки, кожа блестит от постоянного контакта с топленным маслом, которым смазываются слои гогала.

Я спрашиваю Наджибу: «Почему ваш переулок такой грустный?» Она укладывает в коробку последний гогал. У него, как и у остальных, румяная корочка в россыпи семян тмина. Дома мы переложим гогалы в эмалированную кастрюлю, и я, не нарушая традицию детства, посчитаю круглые масляные пятна на внутренней стороне пустой коробки.

«Потому что бессмертие – это грустно, малыш. То, что лишено конца, теряет ценность».

10

На Пыльной улице почти не строили домов. Всего пять-шесть хижин – брошенные старики, молчаливые дервиши, обезумевшие художники.

Жилье мастера Нияза было сложено из речного камня. Одна комната, одно окно, крыша из косого шифера. Во дворе колодец с сильно йодированной водой, соломенный сарай с тремя курицами и ванная с туалетом из кирпича. Ван-

ную для золоторукого Нияза построили соседи. Скинулись, установили печь, уста¹⁴ топил ее лепешками коровьего помета.

«Сжигать дерево, чтобы очистить тело? Нет уж! С меня хватит того, что из-за музыки погибают деревья». Выравнивая струны, Нияз смотрел куда-то вдаль и добавлял: «...Хотя дерево, превращаясь в музыкальный инструмент, не погибает. Обретает вторую жизнь».

Сона собирала еду в кастрюльки и, загрузив в корзину велосипеда, отправляла меня к Ниязу. Пыльная улица – на другом конце поселка, ехать до пустынной возвышенности. Ее беспощадно продувал хазри, принося столпы пыли с колкими крупницами песка. Жить там было трудно.

По абшеронской легенде, когда-то на месте возвышенности сожгли суфийскую мечеть. Останки разрушили, камни разбросали по округе. В пятничную ночь они раскрошились в пыль, которая по сей день ночами осыпает улицы, не позволяя людям жить и застраиваться. А сделать это порывались многие, ведь с Пыльной улицы открывается божественной красоты вид: изумрудное море, извивающийся берег, утреннее небо в пухлых облаках, оливковые рощи в объятиях Абшера.

¹⁴ Уста (*турец.*) – мастер.

У Нияза никого и ничего не было. Кроме веры, книг и музыкальных инструментов, которые он создавал. Вырос в детском доме, в семнадцать пошел в ученики к Гасыму-киши, мастеру струнных инструментов, влюбился в дело и в дочь учителя. Поженились.

На шестом году брака жена Нияза умерла от онкологии.

Боль потери привела его к звуку, который слышат все люди, но сами же затыкают себе уши и так проживают свою жизнь.

Сона спрашивает уста: «Сынок, что в этом звуке?» Выдалбливая кусок древесины, он вдруг замирает: «Любовь... Людям кажется, что ненавидеть, сторониться и запираться легче, чем любить. Когда любишь, становишься морем. Твои берега открыты миру, ты не ждешь ничего взамен. Кто-то назовет это слабостью, а в этом сила. Руми писал: “В жизни длиною в полвздоха не планируй ничего, кроме любви”».

* * *

«Еда остывает, уста. Съешь бугламу¹⁵, пока горячая. Потом будет невкусно». Он кивает, не отрывая глаз от древесины. Нияз делает кеманчу¹⁶. В воскресенье привезли подходящий кусок орехового дерева – для кеманчи подходит та

¹⁵ Буглама – блюдо восточной кухни из баранины, овощей, зелени и небольшого количества жидкости.

¹⁶ Кеманча – струнный смычковый музыкальный инструмент Востока.

часть ствола, что росла на солнечной стороне. Она суше, не расслаивается.

Черные выющиеся волосы Нияза в пружинах опилок, лоб в каплях пота, на смуглых пальцах порезы. Ноготь среднего пальца левой руки почернел от нечаянного удара.

Когда выточит нужную форму, забудет о ней на год – пока подсыхает обложенная стружками основа кеманчи. К тому времени Ниязу привезут кожу сома. Рыбаки ждут подходящий трофей – сом нужен взрослый, два метра, весом под пятьдесят килограммов. Кожа рыбыны обрабатывается и натягивается на корпус кеманчи.

Через окно над рабочим столом в комнату проникает азан. Нияз откладывает инструменты, снимает передник, выходит во двор, идет в сторону ванной. Омовение перед намазом. Я остаюсь один посреди маленького царства Нияза. Подхожу к столу. Инструменты с потемневшими ручками, разбухший помазок для бритья, на ворсе которого застыла древесная пыль, влажная зеленая тряпка, связка стальных нитей – будущие струны кеманчи.

Сбоку от стола полка, на ней Насими, Руми, Юнус Эмре и одна книга в темно-зеленом бархатном чехле. Лежит отдельно. Коран. Там же на полке две фотографии. На них она. Бе-

ру ту, на которой девушка с наброшенным на волосы платком сидит у перевернутой лодки. На обороте карандашная надпись:

«О, мой Бог! Если бы я... Если бы стала я берегом дальним... И в ночной тишине поцелуем печальным увлекла бы тебя, увлекла бы тебя¹⁷.

Зохра».

* * *

– Звук кеманчи наполнен плачем. Почему, уста?

– От любви.

– Зачем плакать, когда любишь? Надо улыбаться!

– От красоты чувств, малыш. Открываешь в себе любовь, смотришь, как из тебя красота выливается в мир, и так хорошо, что от счастья на глазах слезы. Любовь – исцеляющий родник. В нем вода легкая, чистейшая. Пьешь, набираешь в ладони, видишь в ней лучи солнца и плачешь от того, что, познав истинную красоту, больше не можешь жить, как раньше. Жизнь «после» любви – это рассвет после ночи.

– Я не очень понимаю, о чем ты говоришь, уста, но, кажется, ты нашел родник. Скажи, где?

– На дне. Где все темнее ночи, больнее самой острой боли, где под ногами холодная черная земля.

– И там волшебный родник?

– Да. Я должен был опуститься на самое дно, чтобы найти

¹⁷ Стихи иранской поэтессы Форуг Фаррохзад в переводе Н. Ворнель.

сокровище. Иногда нужно упасть, чтобы увидеть то, что под ногами и над головой. Люди обычно с тоской оборачиваются либо с нетерпением заглядывают вперед.

– Нияз, тебе не скучно тут одному?

– Я не один, малыш. У меня есть небо, дом, свет из окон и любимые люди.

– А если кто-то из них ушел навсегда?

– Те, кого мы любим, вечно живут в нас. А значит, мы вместе, чтобы ни случилось, куда бы нас ни унесло.

* * *

Сажу на краю колодца, накрытого тяжелой деревянной крышкой. По круглой стене снуют муравьи, обходя холодные островки мха. Во дворике Нияза ничего не растет, кроме сутулых виноградных лиан с шершавыми листьями. Их цвет с трудом различим под слоем пыли.

У входа в комнату Нияза желтые сугробы. Уголки оконной рамы, за которой уста сосредоточенно работает, забывая о воде, еде и порою часе молитвы, тоже занесло песком.

Нахожу за лестницей веник, совок, приступаю к уборке. Смахиваю песок с окон, дверей, выметаю за веранду и иду к колодцу. В наших краях после уборки двор принято поливать водой.

«Почему ты не любишь свой дом, уста? Он в песке, не

убран». Мы сидим на вычищенной лестнице, на одной ступени, вокруг нас виноградные лозы в ярко-зеленых листьях – полил их, и к ним вернулся цвет.

На коленях Нияза плоский деревянный ящик в форме трапеции, над его поверхностью натянуты струны. Двадцать четыре, посчитал. Знаю, что это музыкальный инструмент, видел по телевизору, но забыл название.

«Это канон¹⁸, малыш. Видишь цвет? Абрикосовое дерево, после шлифовки оно чуть темнеет. Давным-давно канон называли арабской арфой, каждый восточный музыкант должен был уметь на нем играть».

На указательных пальцах усты железные наперстки – перебирает струны. Они поют сказочными прозрачными переживаниями. Звук жемчужинами раскатывается по округе. Легкий хазри, подбирающий песок с сухих берегов лета, невольно замирает.

Нияз мечтает смастерить канон. «Он мне еще не открылся. Я пока не заслужил. Канон не принимает другого инструмента, во имя него я должен отказаться от всех».

Заносит канон в дом и возвращается с ножом и медным подносом. Подходит к колодцу, отодвигает крышку, вытяги-

¹⁸ Канон – многострунный щипковый инструмент.

вает веревку, к концу которой пришита плотная авоська. В ней арбуз. Так на Абшероне охлаждают фрукты и воду в жаркие дни. Нияз протыкает ножом кожуру, арбуз с хрустом раскалывается. Первую дольку уста протягивает мне.

«Ты спросил меня про дом. Как можно его не любить, когда самые счастливые и важные дороги ведут домой? Благодарю тебя за уборку, но ночью хазри снова принесет песок, и все будет как прежде. Так тут много лет... Намного важнее то, с чем живешь внутри. Ты можешь бережно ухаживать за садом, но если в доме беспорядок, твой труд теряет ценность. “Все, что есть во Вселенной, ты найдешь в себе. Спрашивай обо всем себя”, – Руми».

* * *

С утра готовим левенги¹⁹ сразу из четырех куриц – нам, родителям в город, одинокой соседке Ханумане и Ниязу. Со-на замачивает кусочки лавашаны²⁰ в кипятке и ждет, пока она размякнет в пюре. Очищает красный репчатый лук, натирает на терке, выжимает в марле.

Я нарубаю грецкие орехи. «Финик, не переусердствуй. Орехи должны быть не слишком мелкими, чтобы чувствова-

¹⁹ Левенги – азербайджанская начинка для курицы и рыбы из грецких орехов, репчатого лука и специй. Часто так называют все блюдо, в состав которого входит эта начинка.

²⁰ Лавашана – тонкая пастила из алычи или кизила.

лись при еде». Лук с орехами бабушка добавляет в лавашану, солит, перчит, посыпает щепоткой сахарного песка, перемешивает. Ароматной массой начиняет курицу, обмазанную той же лавашаной и куркумой. Зашивает брюшко и отправляет на час в печь.

Пока запекается левенги, бабушка высыпает на стол мытые плоды боярышника и зеленые клубочки фейхоа. Будем варить компот из ягодной смеси. Сона стерилизует банки, я очищаю боярышник от плодоножек, у фейхоа срезаю кончики.

«Что бы я делала без тебя! Пока твои родители мотаются по душному городу, сами не понимая, зачем, ты со мной».

Раскидываем ягоды по ошпаренным банкам. Предвкушая, как утром сяду на велосипед, загружу в переднюю корзину левенги с бутылкой компота и поеду к усте. Он покажет кеманчу, над которой работал все это время. Завтра она должна быть готова, оставалось закрепить стержень-подставку, затянуть струны.

* * *

...Дворик Нияза встретил меня странной пустотой. Дверь комнаты открыта, со скрипом покачивается на ветру. Внутри никого. Все так же, как было, только нет инструментов, книг и фотографий. На столе банка, в ней деньги и сложенный

листочек бумаги. Вынимаю, разворачиваю.

«Малыш, раздай эти деньги за кеманчу нуждающимся.

Не забывай слов Руми: “Есть голос, который не использует слов. Слушай”».

11

Во время прогулок по Абшерону Сона рассказывала мне истории о жизни местных жителей, их домов, животных и деревьев. Историю про Уродца не забуду никогда.

* * *

Недалеко от нашей дачи, на краю проселочной дороги росло чахлое инжирное деревце. Люди называли его Уродцем. Кривой бесцветный ствол в коричневых проплешинах, тонкие полусухие ветки и несуразно большие редкие листья. Если бы не их сочно-зеленый цвет, можно было бы подумать, что Уродец погиб. Но он, как и все деревья, зимой засыпал, а весной пробуждался – значит, живет.

Почти все инжирные деревья нашего поселка обрели хозяев: участки раскупались, обкладывались заборами, строились дома, и деревья, радуясь поливу, больше не ждали дождей. Уродцу не повезло с местом рождения – обочина, по которой в летние месяцы носят машины дачников, пляжные маршрутки. Никто этот кусок земли не купит – не го-

дится под дачу.

Все лето Уродец задыхался в пыли, которую поднимал проезжающий транспорт. В тридцатый день июля пьяный сын прокурора Сабига на отцовской «Волге» влетел в Уродца. Ствол надломился, но окончательно не сломался. Три дня Уродец истекал белесой кровью из переломленного чрева. Дрожащими листьями он, собрав последние силы, смотрел на палящее солнце, молил об исцелении. Уродец хотел жить, чтобы служить людям: кормить детишек медовыми плодами и иметь так много листьев, чтобы женщины срывали их, бланшировали, начиняли мясным фаршем и готовили долму.

Мимо погибающего дерева проезжали машины с беззаботными дачниками. Уродец начинал шевелить ветками, но никто не замечал боли ближнего. Сломанное деревце на краю дороги – что такого?

Несмотря на безразличие окружающих, Уродец не переставал любить людей. Настоящая любовь бескорыстна, она не требует ничего взамен. А если требует, значит – не любовь.

На пятый день недели из города в свою железную будку с надписью «Ремонт обуви» вернулся мастер Гошгар, его ува-

жительно называли устой. Седой горбатый старик, коренной житель соленой земли.

Отец его, Фарух-бей, был почитаемым лекарем-гомеопатом, излечил сотни детей из близлежащих деревень. Несмотря на то, насколько отзывчивым, понимающим был Фарух-бей по отношению к пациентам, настолько же деспотично и жестко он обращался с единственным сыном. Гошгар рос тощим, чернявым, молчаливым мальчишкой – абсолютная противоположность отцу-богатырю.

Маленький Гошгар тянулся к отцу. Однажды, изучая баночки с разноцветными микстурами в отцовском кабинете, он оступился и упал, схватившись за одну из висячих полок. Фарух-бей, обедающий на кухне, на шум вбежал в кабинет и, увидев сына, лежащего среди осколок пузырьков, процедил: «Убирайся отсюда. Урод». Гошгар смутно припоминал, как прибежала мать, плакала, просила не кричать на ребенка. Но он отчетливо запомнил уничтожающий отцовский голос и то болезненное – «урод».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.